качественно новый принцип исторического мышления. Именно на этом пути лежат проблемы мировоззрения и творчества Н. М. Карамзина.

* * *

Органичность «Истории государства Российского» в творчестве Карамзина довольно долгое время подвергалась сомнению; обращение его к истории понималось как отказ от литературной деятельности вообще, хотя еще в 1916 г. Б. М. Эйхенбаум очень точно заметил: «К истории Карамзина привели долгие эстетические опыты и философские размышления». По наблюдению исследователя, эстетика и поэтика Карамзина с самого начала его сознательной литературной деятельности определена особым мироощущением: «Все прошлое — уже тем одним, что оно отодвигается к горизонту, — становится источником поэзии».[4] Интуиция бытия становится основным источником рассудка и воображения. Способность человека познавать мир и самого себя оказывается для Карамзина и философией, и поэзией. Практическая деятельность человека связывалась Карамзиным с проблемами политики и нравственности, и весь этот довольно сложный комплекс идей преломлялся сквозь призму крепнущего с годами убеждения: человек не способен предугадывать последствия дел, им совершаемых, не властен изменить хода вещей, хотя сам он вовлечен в стремительный водоворот страстей земного бытия. Так, уже в 1790-е годы в повестях и публицистике, а отчасти и в лирике Карамзина намечался выход в общие проблемы философии истории, складывался специфически эмоциональный прообраз исторической концепции.[5]

Особое место среди материалов, помещенных Карамзиным на страницах «Московского журнала», занимает отрывок из «Мифологии» Карла Морица, широко известного как автора психологического автобиографического романа «Антон Рейзер». Развивая идеи Гердера и отчасти Гете, Мориц писал: «От того, что в мифологии скрываются тайные следы к древнейшей, неизвестной истории, делается она почтеннее. Ее вымыслы не суть пустая мечта или одна игра остроумия, которая исчезает в воздухе. Они тесно связаны с древнейшими приключениями и для того не могут быть почитаемы одною аллегориею».[6] Согласно рассуждению Морица, мифология вместе с ее поэтическим потенциалом несла в себе «тайные следы к древнейшей истории». Между поэзией и историей устанавливалась, таким образом, система взаимоотношений, характеризуемых элементами детерминизма. Тем самым на-

---

[4] *Эйхенбаум Б. М.* О прозе. Л., 1969, с. 204.

[5] См.: *Лотман Ю. М.* Поэзия Карамзина. — В кн.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966, с. 23; *Вацуро В. Э.* Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм». — В кн.: XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 202.

[6] Московский журнал, 1972, ч. VI, кн. 3, с. 279.